

ИСТОРИЯ

УДК 94(470.67)

DOI: 10.21779/2542-0313-2022-37-2-7-19

Б.Г. Алиев

Становление и эволюция даргинских обществ в древности и в Средневековье: периоды в образовании единой политической структуры в Верхнем Дарго

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; Россия, 367030, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 75; bagomedaliev@inbox.ru

Статья посвящена периодам в истории образования единой политической структуры в Дарго и вхождения даргинцев в Кавказскую Албанию и княжество Шандан. Приведен лингвистический материал, показывающий сходство даргинского языка с удинским (одного из племен Кавказской Албании). Показано вхождение даргинцев в раннем Средневековье в состав княжества Шандан. Выявлены причины объединения верхнедаргинцев в союз как единую политическую структуру. В статье показано, как возвысилось объединение (союз) даргинцев Акуша-Дарго, усилилось его влияние на другие политические структуры в Дагестане в целом.

Ключевые слова: *Кавказская Албания, Шандан, даргинцы, Верхнее Дарго, «бутринский период», Ушкуджа, «ушишинский период», «акушинский период», Акуша-Дарго.*

Любой этнос или этническая группа, каждый народ, пройдя определенный этап своего социально-экономического развития, объединяется в какую-либо политическую структуру в виде союза или более крупной единицы и, наконец, в государство как высшую форму политического образования. Это обычный путь естественно-исторического развития общества, путь его эволюционного развития, когда оно переходит на другую, более высокую ступень.

В то же время на развитие общества большое влияние оказывают внешние силы, внешнее вмешательство. Нередко внешнее вмешательство играло решающую роль в смене руководящей роли одних обществ другими, одних правителей другими, в возникновении новых политических структур. Так было и в средневековом Дагестане, народам которого пришлось столкнуться с многими внешними завоевателями, вмешивавшимися в ход их исторического развития. Это сасаниды, тюркоязычные племена, явившиеся в Дагестан в результате великого переселения народов (савиры, гунны, гели и т. д.), арабы, монголо-татары, войска хромого завоевателя Тимура, персы, турки, «Гроза Вселенной» (Надир-шах) и, наконец, Российская империя, которая соперничала с шахской Персией и Османской империей и, одержав верх над ними, присоединила Дагестан к себе.

В данной статье мы решили остановиться на истории даргинцев, населявших северо-западную часть Дагестана, ставшую позднее известной под названием Акуша-Дарго, показать, что происходило на этой территории в Средневековье, куда она входила, какие политические структуры существовали здесь, какое общество играло руководящую роль в тот или иной период, какое влияние на процесс развития этой территории оказали внешние силы.

Все эти вопросы интересовали очень узкий круг ученых-историков Дагестана и, естественно, они не стали предметом широкого исследования. Имеется лишь ряд работ выдающегося дагестанского историка, профессора Р.М. Магомедова и отдельные труды автора данной статьи, который, занимаясь более полувека сбором, анализом и обобщением большого материала по истории и этнографии дагестанских народов, на основе этого материала с привлечением имеющихся архивных и литературных источников написал и издал несколько статей в отечественных научных журналах и сборниках, где поднимаются и отдельные вопросы интересующей нас темы.

Речь идет об образовании единой политической структуры верхнедаргинцев, занимавших юго-западную часть «внутренней», как об этом писал Р.М. Магомедов, территории даргинцев [1, с. 14, 16, 168], граничащей с Лакией, Аварией, сюргинцами (сирхинцами) и восточными даргинцами, которая впоследствии стала известна как Акуша-Дарго. Ставятся три главных вопроса: когда происходил процесс образования этой политической структуры; с чем это было связано, т. е. какие причины способствовали и подталкивали эту часть даргинцев к единению; когда и почему во главе этой политической структуры стояло то или иное общество.

Останавливаясь на первом вопросе, можно сказать, что речь идет о периоде, охватывающем X–XIV вв., когда происходит распад раннегосударственных политических структур, таких как Шандан, Филан, Ал-Карах, Зирихгеран, образовавшихся на территории даргинцев после распада древней Кавказской Албании, куда входили и даргинцы – один из ее народов, состоящий «из совокупности довольно самостоятельных этнических групп» [2, с. 289], говорящих на своих диалектах даргинского языка, таких, как: акушинский, урахинский (хюркилинский), цудахарский, кайтагский, сюргинский, муиринский, кадарский, кубачинский, санжинский, амухский, мегебский, губденский и мекегинский [3, с. 38–40]. Но это современные диалектные группы даргинского языка, а в период Кавказской Албании не было настолько сильных различий между диалектами даргинского языка.

Отметим, что даргинский язык очень похож на язык племени утин (уди, удины), входившего в древнюю Кавказскую Албанию. [4, с. 33]. Удинский язык сохранился в наше время только в трех селениях: Нидж и Вардашен в Азербайджане и – Октомбери в Грузии. Как отмечал академик А.С. Чикобава, раньше он «имел значительно большее распространение, представляя собой один из пережиточно сохранившихся языков древней Кавказской Албании» [5, с. 223]. По-даргински слово *уди* означает «внизу», что говорит о том, что удины жили ниже даргинцев. Как пишет известный дагестанский языковед Х.А. Юсупов, «удины являются предками даргинских племен» [6, с. 20]. Поэтому в словарном составе даргинского и удинского языков много схожих или имеющих один и тот же корень слов. Для убедительности приведем отдельные слова, на которые нами было обращено внимание еще в 60–70-е гг. прошлого столетия в статьях и монографии, посвященной союзу Каба-Дарго [7, с. 14–15], а также на те, которые имеются в словарях, изданных в последние десятилетия [8; 9]. Отметим, что большинство жителей Каба-Дарго говорят на урахинском диалекте даргинского языка. Этот союз с центром в сел. Урахи *Хурахъи* был образован в результате объединения ряда поселений, жители которых до V–VII вв. проживали на плоскости, но были вынуждены покинуть насиженные места из-за нашествия тюркоязычных племен и арабов. Об этом говорят сохранившиеся и записанные нами еще в 60-е годы прошлого столетия предания, согласно которым только городов на плоскости было около десяти. Это *Таргу* (Даргу), *Гамри* (Хумри, *Хамур*, *Хамри* – в арабских источниках), «*ЖаванбекI*» (между селениями Башлы и Хапкайкент), города в местностях «*Хьулрела муза*» и «*Целдалакь-*

аси» – между *Таргу* и «*Хъулрела муза*» и др. [7, с. 18]. В них и в других местах и проживали в прошлом предки одной части даргинцев. Другие даргинцы, которые впоследствии стали известны как верхнедаргинцы, проживали в предгорных землях, «растянувшихся от небольшого хребта Чонку-тау и Волчьих ворот до горы Лаугъни», которая «тянется на восток по правому берегу Джанга-Кули-чая» [1, с. 168]. Как писал Р.М. Магомедов, «до сих пор у цудахарцев существует предание, что предки их жили на равнине и в предгорье, а где-то между Дженгутаем и Волчьими воротами был их древний город. У мекегинцев есть предание, что часть предков нынешних жителей села когда-то обитали недалеко от Буйнака (Уллубий-аул), а оттуда перебрались в Эла-Дубура» [1, с. 169]. Сохранились также предания, что «предки акушинцев когда-то жили гораздо севернее, между притоками Хала-герка и примерно до Гергинской речки и Левашей, – оттуда они вынуждены были уйти под напором завоевателей». Это земли, на которых впоследствии возникли сел. Охли, Кулецама, Урма и др. [1, с. 169].

Все даргинцы говорили на одном языке, хотя и на различных диалектах. Но все эти диалекты даргинского языка близки между собой и к удинскому языку. Об этом говорят следующие слова удинского и даргинского языков: возьми – ака (уд.) / аса (дарг.); язык – муц/мез; мельница – шена/шинкьяна; дороги – гердунве/гъундури; собирать – кушурук / чукур; петух – дадал/дагъа; голова – бак / бекI; собака – хаа/хя; яма для хранения овощей и фруктов – курр / кур, зуб – улух / цула, сердце – укл/уркли, вода – хен/шин, лопата – кода/klatlа, большой – кала / халал, солнце – бек/берхIи, рубашка – гурубак (кава)/гурде (хIава), отпустить – барканай/бархъаэс, тело – кала/къаркъала, муха – тIат/тIант, бык (вол) – ус/унц, дом – куах/хъали, гора – бурух/дубура, собирать /бучесун/бучес, вошь – нец/нер (нез, ниръ), бук – пупнохиг/пурпи, берёза – марх/махъ, скупой – къирчи/къиркъир, горячий – вачIукл/буцIарил, коза (козёл) – къаци/къяца (гIижа), рог – мугкъаг/мукаки, горло – къичъ/къакъари, кашлять – хъочесун/хъахIиклес, стонать – цIумкесун/цIумиклес, браслет – къоглант/кулеха, бусы – чилмач/мачи, один – са/ца, три – хиб/хIябал, третий – хибинжи/хIябъисил (хIябисил), шесть – уг/урегал, десять – виц (вис)/вецIал, двадцать – га/гъал, триста – хиббес/хIябдарш, двоюродный брат – отакач/узикъар, камень – карач/къаркъа, кровяной сосуд – тамар/тум и др.

В V в. Кавказская Албания вошла в состав Ирана в качестве отдельной области. Согласно письменным источникам VI–VII вв., на территории Дагестана возникает ряд политических образований – «царства» Лакз, Табасаран, Хайдак, Гумик, Серир, Зирихгеран [10, с. 121]. Пока не представляется возможным утверждать, в какое именно политическое образование из них входили даргинцы в то время. Но зато это можно определить в более поздний период. Источники указывают, что в VIII–X вв. на территории Дагестана были государственные образования Карах (ал-Карах, ул-Карах), Шандан, Филан. Каждое из них объединяло определенные племенные группы даргинцев. Но основная часть даргинцев, населявшая земли Среднего Дагестана, где она стала проживать после ряда переселений их предков с плоскости и предгорья, компактно вошла в государственное образование Шандан. Среди них были и верхнедаргинцы как одна из основных групп даргинцев.

Об этом первым из ученых писал известный востоковед В.Ф. Минорский [11, с. 40]. Он отметил, что по имеющимся сведениям Шандан занимал территорию, где ныне живут даргинцы – второй по численности народ Дагестана. Согласно сведениям арабских авторов, на равнине и в предгорье к северу и северо-западу от Дербента находились такие владения, как Джидан и Карах (Ул-Карах). Далее источники говорят о владениях Туман (современная территория Лакии) и Серир (современная территория, населенная аварцами). Известно также, что Хайдак (Кайтаг) и Зирихгеран (Кубачи) за-

нимали территории нынешних Кайтагского и части (без *СирхІя* (Сюрга) и Буркун-Дарго) Дахадаевского районов. Нет сведений только о территории Среднего Дагестана, где именно живут даргинцы, входившие в состав Акуша-Дарго, Каба-Дарго, Сюрга и Буркун-Дарго, т. е. территории, где впоследствии образовались эти союзы сельских общин.

Таким образом, после распада древней Кавказской Албании, куда даргинцы входили как одна из его народностей, близкая по языку к другой ее народности – удидам, когда на территории других народов Дагестана стали образовываться свои политические структуры в виде раннефеодальных государственных образований, в Среднем Дагестане, где проживали различные субэтноты даргинцев, образуется такое же раннефеодальное государственное образование под названием Шандан.

Трудно с уверенностью сказать, какая из групп даргинцев являлась ведущей, хотя В.Ф. Минорский считал, что ядром «царства» Шандан были акушинцы [11, с. 141], под которыми в позднее время имелись в виду все верхнедаргинцы. Но это произошло после того, как во главе верхнедаргинцев стала Акуша, возглавлявшая их федерацию под названием Акуша-Дарго. Какая бы из указанных даргинских племенных групп ни стояла во главе Шандана, она являлась в то время, возможно, даже сразу же после распада Кавказской Албании, наиболее сильной, организованной и компактной группой даргинцев. Видимо, именно поэтому она носила название «Шандан» (на даргинском языке означает сталь), которое стало и названием военно-политического образования, каковым являлась их государственно-политическая структура.

Мы находим подтверждение этого и у В.Ф. Минорского, который писал: «Название Шандан, засвидетельствованное в раннеарабских источниках, по-видимому, представляет племенное название Шанд (или Шинд?) плюс иранский суффикс *-ан* (ср. Табасар-ан и т. д.)». Далее он писал: «В доступных мне материалах (при этом он ссылается на ряд работ конца XIX – нач. XX в., содержащих названия дагестанских сёл. – Б.А.) я не нашел следов его в Дагестане. Единственно схожим топонимом является название разрушенного теперь замка Шандан в советской части Талыша (в изгибе, который граница делает между Астарой и Ардебилем). Этот замок некогда служил резиденцией наследственному правителю, носившему титул *испахбеда* Гиляна. Хотя талышинский Шандан лежит на расстоянии свыше 400 км от Дагестана, но по примеру мест южного побережья Каспия, откуда сасаниды посылали гарнизоны для охраны кавказских перевалов, он также мог служить для этой цели» [11, с. 140–141].

Но в связи с походом Тимура в 1396 г. в христианскую Ушкуджа (Ускиша – Усиша) В.Ф. Минорский писал, что речь здесь идет об Акуша, и сделал вывод, что, так как «имя Акуша является как самоназванием народа, так и названием, даваемым ему соседями, – о чем писал еще А. Дирр, – то вероятно, что после исчезновения селения (или колонии) Шандан округ стал называться по имени основной группы населения» [11, с. 141–142].

Между тем название верхнедаргинцев как субэтноты появилось позже на несколько веков. Кроме того, утверждение В.Ф. Минорского о том, что Ушкуджа (Ашкуджа) – это Акуша, о чем стали писать после него многие дагестанские исследователи, основано на внешнем сходстве этих названий. Если же говорить о походе Тимура в 1396 г. в Ушкуджа, то можно утверждать, что речь идет о христианском Ускиша, о чем подробно будет сказано при описании периодов истории образования и функционирования единой политической структуры в Верхнем Дарго.

Шандан играл в истории Дагестана IX–XI вв. не последнюю роль, поэтому он стал объектом внимания ряда ученых. Их представления о его локализации отличаются

от мнения В.Ф. Минорского. Полагаем, что вопрос о Шандане требует дальнейшего изучения.

Не анализируя в данной статье существующие мнения о локализации Шандана, отметим, что эта политическая структура даргинцев в целом без конкретизации ведущей роли в ней какого-то определенного субэтнуса получила свое название именно от этой главной группы даргинцев. Наше мнение, высказанное еще в начале 70-х годов прошлого столетия [7, с. 19], в какой-то мере разделял и проф. Р.М. Магомедов, который писал: «Судя по маршруту Мервана, это (Шандан. – Б.А.) сосед Хамрина, из Хамрина в Табасаран и Лакз; в Шандан входят села Дибгаши, Чишили, Ираки (ныне это села Дахадаевского района, образованного на территории бывшего Караха (Ул-Караха) с центром в сел. Уркарах. – Б.А.), и к тому же Шандан – сосед Хазарии. Часть исследователей предполагает, что этому соответствуют земли вдоль Акушинского притока р. Казикумухское Койсу. Другие считают, что ближе к этим условиям бассейн р. Башлычай: налицо его соседство с Хамрином, выход к пределам Зирихгерана, а устья – к Приморской (Хазарской) равнине. Не исключено, что в какой-то мере справедливы обе точки зрения; в какие-то периоды обе эти территории могли объединяться или вновь распадаться» [1, с. 79].

Указанные Р.М. Магомедовым три населенных пункта (Дибгаши, Чишили и Ираки) – это села Ал-Караха, расположенные недалеко (в 9 и 5 км) восточнее от его центра, нынешнего Уркараха. Их переход в Шандан, если он в основном находился на территории Верхнего Дарго, и в частности на территории субэтнуса акушинцев, исключен. Между ними не только собственно Ал-Карах, но и территория Каба-Дарго и Сюрга. Поэтому вхождение в Шандан указанных сел могло произойти в случае близкого расположения Шандана от Ал-Караха, а возможно, даже соседства этих двух средневековых государственно-политических структур даргинцев, его разных субэтносов.

Жители всех близлежащих к Дербенту политических образований уже в VIII–XI вв. приняли ислам. О Шандане же в источниках говорится, что он «злейший враг мусульман» [11, с. 48]. Следовательно, Шандан располагался не рядом с Дербентом. Эта территория даргинских субэтносов, среди которых, видимо, были не только верхнедаргинцы (о чем прежде всего писал В.Ф. Минорский), проживающие на землях вдоль Акушинского притока Казикумухского Койсу, но и субэтнوس даргинцев, проживающие на землях, граничивших с Ал-Карахом. Это и сюргинцы, и кабадаргинцы («гаркаланцы» – хюркилинцы – урахинцы [12, с. 64]) и другие субэтносы даргинцев. Центром Шандана могла быть близлежащая к Ал-Караху территория даргинцев, на что обратили внимание авторы книги «Харбукцы», при этом приведя в ней немало названий местностей, связанных со словом «шандан», а также остатков древних поселений, сохранившихся на территории современного сел. Харбук Дахадаевского района, давших им основание говорить о нахождении центра «княжества Шандан» на данной территории [6, с. 22]. Возможно, что название «Шандан» носила одна из самых сильных племенных групп, являвшаяся «ядром государственного образования и объединявшая вокруг себя другие этнические родственные племенные группы» [7, с. 19].

Шандан вел активную внешнюю политику, добиваясь немалых успехов. Хотя он капитулировал во время похода арабского полководца Мервана в Дагестан и вынужден был предложить победителю 100 юношей с обещанием посылать ежегодно 5 тыс. модиев в житницу Дербента [11, с. 139], жители его не приняли ислам. Они исповедовали наряду с языческими верованиями христианство и иудейство, о чем говорят многочисленные предания и последующая политика Шандана в отношении исламских соседей.

Поэтому правители Дербента и его союзники много раз совершали походы против Шандана.

Указание источника, что Шандан обязался поставлять в житницу Дербента 5 тыс. модиев ежегодно говорит о том, что Шандан занимал не только горную часть, но и предгорную, жители которой активно занимались земледелием. Горцы по степени интенсивности использования земли не отставали от них, а наоборот, превосходили их, но не могли полностью обеспечить свою потребность в хлебе.

Принадлежность же жителей Шандана не к мусульманскому миру говорит о том, что они являлись даргинцами, которые приняли ислам только после похода Тимура под лозунгом борьбы с неверными в 1396 г. в Верхнее Дарго. Неверными, т. е. немусульманами были именно даргинцы. Это жители Шандана, где бы, по мнению ученых, он ни располагался. Именно эти немусульмане и противостояли мусульманским Дербенту и Ширвану, стремившимся силой оружия навязать даргинцам ислам. Так, в 273 г. х. (886 г.) правитель Дербента Мухаммад б. Хашим напал на территорию Шандана и покорил входившие в его состав Д. ик. с и Ш. л. шли [11, с. 65], под которыми В.Ф. Минорский подразумевал современные даргинские селения Дибгаши и Чишили [11, с. 139], расположенные в 9 и 5 км восточнее Уркараха – центра Дахадаевского района, на что указывал и проф. Р.М. Магомедов, говоря о возможности вхождения в состав Шандана разных территорий – и в горном Дагестане, и в предгорье. Можно предположить, что под Д. ик. может подразумеваться и другое селение, находящееся в этом районе и входящее, как и вышеназванные села, ныне в состав Дахадаевского района. Это сел. Дибгалик в 7 км от Уркараха, которое имело большое стратегическое значение, находясь на пути в Зирихгеран и Уркарах и располагаясь недалеко от Калакорейша.

В 297 г. х. (909 г.) правитель Ширвана Али б. Хайсан вместе с эмиром ал-Баба Мухаммадом б. Хашимом, к которому примкнуло «большое число добровольцев» [11, с. 48, 65], потерпели поражение в сражении с народом Шандана. Правители Ширвана и Дербента вместе с 10 тыс. мусульман были взяты в плен, и их поделили «между людьми Шандана, Сарира и хазарами» [11, с. 48].

Приведенный документ интересен тем, что из него мы узнаем о совместных действиях дагестанцев (жителей Шандана (даргинцев) и Сарира (аварцев) и хазар). Он говорит также о том, что Шандан действительно представлял для мусульманских стран грозную силу и им не так просто было одолеть его, даже объединившись.

В 326 г. х. (938 г.) правитель Дербента Абд ал-Малик б. Хашим б. Сурака послал на Шандан своего помощника Абу-л-Фавариса с конным отрядом из дербентцев и хайдакцев, соседей Шандана. Внезапно напав на Шандан, они «убили много знатных лиц... и овладели Дик. ш» [11, с. 66]. Но мусульманским правителям Ширвана и Дербента и на этот раз не удалось покорить жителей Шандана и распространить среди них ислам, о чем свидетельствуют и события, происшедшие через 100 лет. В 429 г. х. (1037 г.) шандинцы совершили поход в Дербент. Они «подшли к воротам города (столицы) ал-Баба и пограничной области». Однако поход оказался неудачным. «Некоторые из них (шанданцев. – Б.А.) были взяты в плен, другие убиты». Хотя и «среди мусульман были также потери» [10, с. 72]. «В 423 г. х. (1040 г.) начальник Али б. Хасан (б. Анак) вместе с дербентцами предпринял исламский поход против Шандана» [11, с. 72], после которого он, надо полагать, не смог оправиться, что и объясняет отсутствие о нем, каких-либо сведений в дальнейшем.

Видимо, Шандан как единая политическая структура даргинцев распался, и субэтноты или племенные группы без организующего, объединяющего центра, кото-

рый был разгромлен и разрушен внешними силами, обособились в своих территориях. Там стала верховодить местная знать в лице *талхъанов* (князей), носивших также титулы амир (эмир), шах и т. д., о чем говорят предания, сохранившиеся во многих даргинских селениях, которые были записаны нами еще в 60–70-е гг. прошлого столетия. Князья были и в селах Верхнего Дарго – Бутри, Усиша, Акуша, Мекеги, Цудахар и т. д., являвшихся наиболее крупными населенными пунктами верхнедаргинцев, как и в следующие периоды.

Наиболее сильными и известными в Верхнем Дарго были бутринские князья, владевшие большими земельными угодьями, скотом и рабами. Они получали дань не только с местного населения, но и с жителей окрестных сел. Жили они в огромном укрепленном доме (дворце) в местности под названием «Гальалабек», что значит «Макушка крепости (замка)». До 60-х гг. прошлого столетия сохранились развалины этого дома и остатки водопровода, сооруженного из гончарных труб. Согласно преданиям, у бутринского князя был брат – усишинский князь. Бутринский князь стоял во главе Верхнего Дарго. Это время после распада Шандана и примерно до XIV в. Однако проф. Р.М. Магомедов писал, что «джамаат Бутри считался признанным лидером в Дарго» в XV в.» [1, с. 167]. При этом он ссылаясь на «Историю Каракайтага», где сказано, что «в это время дела всего Дарго находились в селении Бутри, а дела Кайтага – в селении Барша, а дела Ирчамула – в селении Уркаха» (Ургагъа)» [13, с. 48]. Т.М. Айтберов и А.Р. Шихсаидов опубликовали это сообщение в другой редакции, где сказано: «В это времена дела Даркэ [разбирали] в Бутри, дела Хайдака – в Хабши, дела Урчамула – в Уркахи». Причем это копия «с собственноручной записи известного шейха Хаджадж-дина аш-Ширвани» [14, с. 159].

Для нас в этой записи важно сообщение, что центром, руководителем в Дарго было сел. Бутри. В «Истории Каракайтага» речь идет о времени, которое соответствовало «семьсот пятому (1305–06) году» [14, с. 155]. Значит, начало «бутринского периода» в истории Верхнего Дарго восходит к более раннему периоду, и руководящую роль сел. Бутри продолжало играть еще в начале XIV в.

Важным в «Истории Каракайтага» является и сообщение о том, что кадием в Дарго «в это время был в селении Бутри – превосходный Шайхмухаммад», а «в Хайдаке [был] Манас, сын Нуха ал-Бутри» [14, с. 159].

Все это, как отмечал проф. Р.М. Магомедов, говорит о том, что «джамаат Бутри считался признанным лидером в Дарго» [1, с. 167] в XV в., т. е. в послетимуровский период. Между тем и в «Истории Каракайтага» говорится, что на самом деле «бутринский период» в истории Верхнего Дарго был до XV в., о чем писал и сам Р.М. Магомедов, анализируя сообщение, имеющееся в указанной работе: «кадий (или каид) предводитель Дарго – в это время жил в самом Бутри – превосходный Шейх-Мухаммад, который умер среди неверующих Кубачи – он напал и убил 40 неверующих своей тростью, которая осталась ему от Шейха ал-Бакуви» [1, с. 168]. Он ставит под сомнение, что речь идет о более раннем времени, чем XV в. В частности, он писал: «Конечно, для понимания смысла этого отрывка важно определить "это время". Мы полагаем, что после окончательного принятия ислама Зирихгераном в 1305 г. там уже не могло быть «неверующих», а потому подвиги Шейх-Мухаммада и лидерство Бутри среди даргинцев относится к более раннему времени – примерно к XIII в. Но тут же он пишет, что ему «кажется, что название «Кубачи» вместо «Зирихгеран» указывает на более позднее время (самый ранний факт письменного употребления слова «Кубачи» из ныне известных датирован 1468 г.); кроме того, известен и шейх Яхья ал-Бакуви, он умер между 1457 и 1463 гг. Все это заставляет отнести этот отрывок ко времени после 60-х годов

XV в.» [1, с. 168]. С этим, конечно, невозможно согласиться, хотя, казалось бы, автор и рассуждает вполне логично. Но в источнике что-то напутано, не согласуется. Комментируя проанализированное Р.М. Магомедовым сообщение «Истории Каракайтага», издавшие его Т.М. Айтберов и А.Р. Шихсаидов пишут, что, так как «кубачинцы приняли ислам в 1306 г. ...то, следовательно, кадий Шайхмухаммед был убит несколько ранее названного года» [14, с. 161].

Исходя из этого, Р.М. Магомедов делает неверный вывод, что «усишинско-акушинский (или ушкурджинский) период... трагически прервался в 1396 г.» [1, с. 168] (на этом мы остановимся далее, при описании «усишинского периода»). Временем образования политической структуры верхнедаргинцев Р.М. Магомедов считает послетимуровский период, хотя тогда уже практически начался третий – «акушинский период».

Сел. Бутри стало главным в Дарго в результате борьбы верхнедаргинцев с нуцалом Хунзаха после распада Шандана. Это был период, когда Серир распространил свою власть на новые территории и произошло ослабление Казикумухского шамхальства. Попали в зависимость от нуцала и даргинцы. Отрывки из «Истории даргинцев», касающиеся интересующих нас вопросов, в 1962 г. пересказал нам местный арабист из сел. Усиша М. Галбацов. Проф. Р.М. Магомедов издал их в 1977 г. вместе с другой редакцией из сел. Чуни. Там сказано, что даргинские общины «находились под игом нуцала Хунзахского», которому ежегодно платили дань зерном и скотом. В один из неурожайных годов даргинцы попросили нуцала отложить уплату с условием, что заплатят в следующем году в два раза больше. Но нуцал отказал им в просьбе. Тогда даргинцы собрались на поляне «Хьярбукидиркья», чтобы обсудить создавшееся положение. Среди выступавших был и Айса-мирза (или Айса-кади) из Акуша, который сказал, что им необходимо объединиться, и тогда нуцал не сможет ничего с ними сделать. Он взял в руки метлу и предложил сломать ее. Конечно, никто не смог. Тогда он взял метлу и стал ломать по одному прутику, пока не сломал все. «Так с нами поступает нуцал, – завершил свое выступление Айса-мирза. – Если же мы объединимся, никто не сможет нас одолеть». Даргинцы прислушались к Айса-мирзе. Было решено, что все общества станут держаться вместе. Когда за данью пришли нукеры нуцала, даргинцы сообщили им свое решение, и те уехали. Зная, что нуцал не оставит их в покое, даргинцы, вооружившись, вышли навстречу ханской дружине. В битве в местности Сията (или Салта Куда) недалеко от Цудахара даргинцы одержали победу и с тех пор перестали платить нуцалу дань. Но внешняя опасность оставалась. Поэтому было решено и впредь всегда держаться вместе. Так возник союз верхнедаргинцев как единая политическая структура [15, с. 132–135; 16, с. 118–121].

Нам думается, что в легенде отражен период до XIV в. Это подтверждают и слова А.В. Комарова, писавшего, что «эти пять обществ (Акушинское, Усишинское, Мугинское, Мекегинское и Урахинское. – Б.А.) издревле составляли союз, известный под общим названием Даргуа» [17, с. 16].

После того как даргинские общества договорились об образовании военно-политического союза, встал вопрос о главенстве в нем. Было решено, что главой союза будет бутринский князь.

Бутри перестало играть главенствующую роль в начале XIV в., когда против его князя выступило местное население и согласно одним преданиям убило его вместе с семьей, другим – он убежал в Акуша. В предании, записанном Р.М. Магомедовым, князь в Бутри, как и в других обществах, был настоящим деспотом. Его звали Ахуш. Он и его родственники причинили зло многим бутринцам. Бутринцы долго терпели, но «в конце концов предел терпению наступил, когда потерпевшими оказались большин-

ство бутринцев: последовало общее восстание, Ахушу пришлось бежать (некоторые упоминают и четырех его братьев). Впоследствии он якобы основал с. Акуша. Но несколько двоюродных и троюродных братьев и родственников были убиты в с. Бутри» [1, с. 186–187].

Согласно преданиям именно после этих событий в Бутри во главе Верхнего Дарго становится Усиша, где правил брат бутринского князя. По другим преданиям, руководство к Усиша от Бутри перешло после удачного сражения верхнедаргинцев с войсками одного из феодальных владетелей, в котором главную роль сыграло Усишинское общество, также являвшееся одним из наиболее крупных селений Верхнего Дарго. Первые сведения об Усиша, как и об Акуша и Цудахаре, относятся к периоду послеарабских завоеваний. Они были в перечне населенных пунктов Дагестана, обязанных платить подати шамхалу Казикумухскому [18, с. 23].

В отличие от Бутри и Акуша, сел. Усиша не приняло ислам, жители его и окружающих сел исповедовали христианство. Жители других верхнедаргинских сел называли его «Капур Усала», т. е. «безбожники» [15, с. 132]. Это был центр местного христианства. В Усиша находились большая соборная церковь и патриарший престол. Еще в 60-е годы прошлого столетия старожилы рассказывали нам, что они сами видели позолоченную одежду патриарха и крест из золота и серебра. Само селение было окружено крепостной стеной и представляло из себя хорошо защищенную крепость, которую трудно было взять внешнему врагу. Так было и во время похода Тимура в Дагестан. Тогда селение называлось Ускиша. Наше предположение о том, что Тимур совершил поход в 1396 г. в Горный Дагестан главным образом с целью уничтожения этого христианского центра, не было поддержано другими учеными. Но со временем они поменяли свою позицию. И в связи с этим хотелось указать лишь на наиболее авторитетных, известных и очень уважаемых ученых, профессоров Р.М. Магомедова и А.Р. Шихсаидова. В 1996 г. А.Р. Шихсаидов писал в «Истории Дагестана», останавливаясь на походе Тимура в Ушкудже, так: «В исторической литературе сложилось мнение о том, что под Ушкуджа следует понимать селение Акуша. В действительности же речь идет о селении Усиша, центре тогдашнего верхнедаргинского общества, расположенного недалеко от Акуша». При этом он ссылается на мою статью, изданную в 1970 г. Он отмечает: «Кстати, в арабских источниках местного происхождения селение Усиша передается в форме Ускиша» [19, с. 307]. А вот что писал Р.М. Магомедов, отметив, что в 1396 г. Тимур совершил поход в местность Ушкуджа – «усишинско-акушинские» земли: «Очень многие полагали, что это Акуша, название которой слегка искажено иранскими историографами». Далее он пишет: «Кроме созвучия, здесь принимается во внимание и то исключительное положение политического центра «внутренних» даргинских земель, которое занимает Акуша, по крайней мере с XVIII в. **Но не менее убедительна другая точка зрения: в старину название с. Усиша звучало как «Ускиша» (это подтверждается и местными письменными источниками, восходящими к XV в.) или даже «Ускича». К моменту вторжения Тимура христианская Усиша стояла во главе верхнедаргинцев и возглавляла борьбу**» (выделено нами. – Б.А.) [5, с. 128–129].

Хочется привести еще одно высказывание Р.М. Магомедова, подтверждающее главенство в Верхнем Дарго Усиша: «Ушкуджа в XIV в., возможно, была таким же признанным политическим центром внутренних даргинских земель, каким позже стала Акуша» [1, с. 134].

Иноверие Ушкуджа было использовано Тимуром для похода в Горный Дагестан. Главной целью его было взять этот христианский центр. Поэтому, как писал его исто-

риограф Шериф ад-дин Йезди, «придя в Тарки, Тимур отделился от обоза, устроил победоносное войско и с целью священного набега двинулся на Ушкуджа» [20, с. 185]. Сразу взять Ушкуджа Тимуру не удалось и, осадив его, он разослал карательные отряды в окружающие земли, откуда они вернулись «с награбленной добычей». К их приходу войска Тимура «уже взяли Ушкуджа, всех тех неверных убили... из убитых сделали холм и опустошили всю их область» [20, с. 99].

В противовес уничтоженному центру местного христианства Ушкуджа Тимур возвысил мусульманское сел. Акуша во главе с его кадием, сделав его управителем всех верхнедаргинских обществ, которые были объединены в единый союз еще при главенстве в Верхнем Дарго сел. Бутри с его князем и мусульманским кадием. Так с конца XIV – начала XV в. начинается третий, «акушинский период» в истории Верхнего Дарго, пришедший на смену «усишинскому периоду». И с этого времени Акуша с его мусульманским кадием стало выступать «как центр объединения для всей северо-западной этнотерритории даргинцев» [1, с. 174]. Именно после похода Тимура, в конце XIV в., во главе союза как единой политической структуры всех пяти верхнедаргинских союзов общин (Акушинского, Усишинского, Мугинского, Мекегинского и Цудахарского) становится главное духовное лицо – акушинский кадий, возвышенный Тимуром. В результате этого на территории Верхнего Дарго образуется государственно-политическая структура теократического типа, которую можно назвать и кадийством Акуша-Дарго. Усилив свою власть как духовный и светский правитель, акушинский кадий превратил свою должность в наследственную в одном кадиевском тухуме Кадишали из Верхнего аула, что уже наблюдается в конце XVI – нач. XVII в. В источнике за 1612 г. акушинский кадий Хаджи-Махмуд назван «кадием эпохи» [21, с. 257; 20, с. 105]. По мнению Р.М. Магомедова, к этому времени (между 1612 и 1638 гг.) относится заключение союза Акуша-Дарго с шамхалом, после чего акушинский кадий становится главным при избрании нового шамхала. Ему «как почетнейшему принадлежало право надевать на вновь избранного шамхала папаху, и только после этого шамхал считался избранным... кадий может попросту **не утвердить** на трон шамхальства негодную для Акуша-Дарго кандидатуру (т. е. имеет разрешительные полномочия)» [1, с. 399].

Вскоре Акуша-Дарго становится одной из наиболее известных и сильных политических структур во всем Дагестане, а не только среди даргинских обществ [22, с. 145]. Акушинский кадий был одним из наиболее авторитетных лидеров Дагестана. С ним советовались по различным вопросам и просили военной помощи такие феодальные владетели, как шамхал Тарковский, уцмий Кайтага, дербентские правители Фатали-хан и Шихали-хан и т. д. [23, с. 30]. Такое положение Акуша-Дарго объяснялось тем, что его население было весьма значительным и соответственно имелась возможность выставить огромное войско. По данным конца XVIII в., в Акуша-Дарго было 30 000 дворов и от 90 000 до 100 000 человек мужского пола [24; 25, с. 210; 26, с. 201]. Такое же количество дворов было только в Аварском ханстве, причем «имеется в виду не собственно самого ханства, а с подчиненным хану окружающими обществами. Ни одно другое владение Дагестана не имело столько дворов и населения [24]. Поэтому Акуша-Дарго и выставило огромное войско, которое при всеобщем сборе доходило до 30–40 тыс. человек. Р.М. Магомедов писал, что «если Акушинский кадий и народное собрание принимали чью-то сторону и поднимали войско, то выходило от 20 до 30 тыс. [только] всадников» [27, с. 289].

Акуша-Дарго постоянно находилось в центре политических событий, участвуя в них то на стороне одного, то другого феодального владетеля, но чаще всего на стороне

шамхала [28, с. 15]. По свидетельству академика П.Г. Буткова, большую часть войска шамхала Тарковского, доходившего до 26 тыс. человек составляли жители Акуша-Дарго [25, с. 210].

В конце XVIII – начале XIX в. Акуша-Дарго становится одним из активных участников антирусского движения в Дагестане, а в первой четверти XIX в. оно даже стало центром борьбы с Россией. Поэтому русское военное командование в Дагестане все время отмечало, что Акуша-Дарго является наиболее опасным противником России, которое возмущает остальные владения, и пока оно не будет покорено силою оружия, в Дагестане не будет спокойствия.

Главком на Кавказе ген. А.П. Ермолов, когда уже все феодальные владетели или изъявили покорность России, или были изгнаны из своих владений (как Шихали-хан Дербентский, Султан-Ахмед-хан Аварский, мехтулинский Гасан-хан, уцмий Кайтага Адиль-хан), причем некоторые из них нашли убежище в Акуша-Дарго, писал, что только «народ Акушинский, сильный и довольно воинственный, один остался в Дагестане, дерзающий поднимать против нас оружие», и он имел «с давнего времени сильное в Дагестане влияние» [29, с. 310]. А в рапорте императору Николаю I от 2 февраля 1819 г. А.П. Ермолов писал, что этот народ можно смирить только оружием, что «сей есть единственный способ смирить их». Далее он отмечал, что «народ Дагестанский Акушинцы... виною всех беспокойств и так далеко простирается их дерзость, что... я должен непременно идти для наказания этого народа» [29, с. 487].

Ген. В. Потто, также хорошо знавший положение в Дагестане, писал, что акушинцы «слыли в горах непобедимыми, и как сильнейший народ привыкли с давних пор вмешиваться в посторонние распри и играть в событиях первенствующую роль» [30].

Теперь этот народ предстояло покорить ген. Ермолову. С этой целью в конце 1819 г. он совершил поход во главе русских войск в сел. Акуша, которое после нескольких сражений на территории Акуша-Дарго без боя было взято. Акуша-Дарго изъявило покорность, и с этого года до 1844 г. оно было верно России, не участвуя в антирусских выступлений и не поддерживая их. Только в 1844 г. оно перешло на сторону Шамиля, но после неудачного сражения его войска, в котором участвовали и верхнедаргинцы, на территорию Акуша-Дарго были введены русские войска. Управление кадия и после этого было сохранено, и как единая административно-политическая структура Дагестана Акуша-Дарго существовало вплоть до образования Дагестанской области.

Такова вкратце история образования единой политической структуры верхнедаргинцев как одной из групп даргинского этноса, начиная с древней Кавказской Албании (с одной из племенных групп которой, называемой удины (утины), даргинцы были близки по языку) и вхождения их в раннефеодальное образование Шандан, после распада которого начинается объединение вокруг наиболее сильной общины. Приведенный в статье материал убедительно доказывает, что первым обществом, объединившим верхнедаргинцев в единую политическую структуру, было Бутри. Отсюда и название «бутринский период», продолжавшийся до начала XIV в. Затем руководство верхнедаргинцами переходит к Усиша (Ускиша). «Усишинский период» продолжался до конца XIV в., когда Тимур разрушил Усиша и в противовес ему возвысил и поставил во главе верхнедаргинцев Акуша с его мусульманским руководителем. Так с XV в. начинается «акушинский период», продолжавшийся практически до образования Дагестанской области.

Литература

1. Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1999. Т. 1. – 448 с.
2. Османов М.З. Даргинцы // Народы Дагестана. – М.: Наука, 2002. – С. 289–321.
3. Гасанова С.М. Очерки даргинской диалектологии. – Махачкала: Тип. ДФ АН СССР, 1971. – 329 с.
4. Балахванцев А.С. Границы Кавказской Албании (IV в. до н. э. – III в. н. э.) // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2021. № 5. – С. 31–42.
5. Чикобава А.С. Введение в языкознание. – М.: Учпедгиз, 1953. Ч. 1. – 242 с.
6. Юсупов Х., Муталимов М. Харбуццы: история и культура. – Махачкала: Юпитер, 1997. – 592 с.
7. Алиев Б.Г. Каба-Дарго в XVIII–XIX вв. (очерк социально-политической истории). – Махачкала: Тип. ДФ АН СССР, 1972. – 223 с.
8. Климов Г.А., Халилов М.Ш. Словарь кавказских языков. Сопоставление основной лексики. – М.: Вост. литература, 2003. – 512 с.
9. Комри Б., Халилов М. Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа. – Лейпциг–Махачкала: Изд.-полиграф. фирма «Наука» ДНЦ РАН, 2010. – 900 с.
10. История Дагестана. – М.: Наука, 1967. Т. 1. – 431 с.
11. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. – М.: Изд-во вост. литературы, 1963. – 265 с.
12. Путешествие Абу Хаида Ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / публикация О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта. – М.: Наука, Глав. ред. вост. литературы, 1977. – 136 с.
13. Исаев А.А. Из истории освободительной борьбы в средневековом Кайтаге // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху Средневековья. – Махачкала: Тип. ДФ АН СССР, 1986. – С. 41–50.
14. История Каракайтага // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. – М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – С. 150–162.
15. Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1977. Вып. 1. – 144 с.
16. Алиев Б.Г. Исторические известия о даргинцах и образование союза верхнедаргинских обществ // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. – Махачкала: Тип. ДФ АН СССР. – Т. XII. Серия историческая. – 1964. – С. 109–129.
17. Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области // ЗКОРГО. – Тифлис: Тип. Главн. управл. наместника Кавказа, 1873. Кн. VIII. – С. 1–49.
18. Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухаммедом-Рафи // ССКГ. – Тифлис: Изд. Кавказского горского управления, 1871. Вып. V. – С. 9–30.
19. Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. – Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 1996. – 462 с.
20. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранных В.Г. Тизенгаузенем. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. II.
21. Алиев Б.Г. Памятники арабской письменности по истории Верхней Даргинии // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Сер. обществ. наук. – Махачкала: Тип. ДФ АН СССР, 1970. Т. XX. – С. 253–262.
22. Алиев Б.Г., Муртазаев А.О. Майор И.-Г. Гербер о даргинцах Акуша-Дарго // Вопросы истории. 2018. № 4. – С. 143–151.

23. Омаров А.И., Магомедов Р.М. Военно-политический аспект в истории Дербента XVII века: из историографии проблемы // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 36, вып. 1. – С. 28–35.

24. Дренякин И.Т. Описание Ширвана. 1796 г. // История, география и этнография Дагестана. XVIII–XIX вв. Арх. мат-лы / под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. – М.: Изд-во вост. литературы, 1958. (Далее ИГЭД). – С. 157–172.

25. Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1796 г. // ИГЭД. – М.: Изд. вост. литературы, 1958. – С. 209–212.

26. Бутков П.Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. – М.: Изд-во вост. литературы, 1958. – С. 200–208.

27. Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. – Мачакала: Дагкнигоиздат, 1999. Ч. 2. – 520 с.

28. Гаджимурадов М.Т. Феодалная война в Южном Дагестане во второй половине XVIII в. // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 34, вып. 2. – С. 14–20.

29. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. – Тифлис: Тип. Главного управл. Кавказа, 1875. Т. VI. Ч. 2. – 941 с.

30. Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, вып. 1, 2, 3. Ермоловское время. – СПб.: Изд. книжн. склада В.А. Березовского, 1887. Т. 2, – С. 171–216.

Поступила в редакцию 25 февраля 2022 г.

UDC 94(470.67)

DOI: 10.21779/2542-0313-2022-37-2-7-19

The Formation and Evolution of Dargin Societies in Antiquity and in the Middle Ages: Periods in the Formation of a Unified Political Structure in Upper Dargo

B.G. Aliyev

Institute of History, Archeology and Ethnography Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; Russia, 367030, Makhachkala, M. Yaragsky st., 75; bagomedaliev@inbox.ru

The article is devoted to the periods in the history of a unified political structure in Dargo, while showing the entry of Dargins into Caucasian Albania and the Principality of Shandari. The linguistic material showing the similarity of the Dargin language with the Udi language, one of the tribes of Caucasian Albania, is given. The entry of Dargins in the early Middle Ages into the principality of Shandari is shown. The main impetus for the unification of the Upper Darginians into the union as a single political structure is given. The article shows the way the unification of Akusha-Dargo rose in esteem, stressing its influence on other political structures and in Dagestan as a whole.

Keywords: *Kavkazska Albania, Shandari, Dargins, Upper Dargo, "Butrinsky period", Ushkuj, "Usishinsky period", "Akushinsky period", Akusha-Dargo.*

Received 25 February 2022